

Марина
ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗ ДВУХ КНИГ

В ОУЧУ¹

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

— «Всё в знаньи, скажут вам науки...
Не знаю... Сказки — хороши!»
О эти медленные звуки,
О эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

МАМА НА ДАЧЕ

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венок.

Наша мама не любит тяжелой прически, —
Только время и шпильки терять!

---

¹ Ouchy (Уши) — предместье Лозанны.

Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А венок у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый — ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотках заблестят огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

* * *

Всё у Боженьки — сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий, —
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!

Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

НА СКАЛАХ

Он был синеглазый и рыжий
(Как порох во время игры!),
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он — мой!» — «Нет — он мой!» —
«Почему ж?»

Володя решает: «Вы обе!
Вы — жены, я — турок, ваш муж».

Забыто, что в платьяцах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»
— «Домой! Ася, Муся, Володя!»
— Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим — как взрослые — трубки,
Мы — воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, — о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
— Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

МАМА В САДУ

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.

Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени...

СЕРЕЖЕ

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жая.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Всё глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильней ее!
О земле, где всё — одна тревога,
И о том, как дивно быть у Бога,
Всё скажи, — ведь дети знают всё!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА

Всему внимая чутким ухом,
— Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые — ручки, лобик,
На бледном личике — вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенные глаза!

Смерть окончанье — лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...

Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

ПРИНЦ И ЛЕБЕДИ

В тихий час, когда лучи неярки
И душа устала от людей,
В золотом и величавом парке
Я кормлю спокойных лебедей.

Догорел вечерний праздник неба.
(Ах, и небо устает пылать!)
Я стою, роняя крошки хлеба
В золотую, розовую гладь.

Уплывают беленькие крошки,
Покружась меж листьев золотых.
Тихий луч мой целует ножки
И дрожит на прядях завитых.

Затенен задумчивой колонной,
Я стою и наблюдаю я,
Как мой дар с печалью благосклонной
Принимают белые друзья.

В темный час, когда мы всё лелеем,
И душа томится без людей,
Во дворец по меркнувшим аллеям
Я иду от белых лебедей.

В ШЕНБРУННЕ

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже...»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка — полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» — шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
— «Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
«Что рокошет там, меж чащ?
Море, что ли?» — «Сын, — солдаты!»

— «О, отец! Как ты горишь!
 Погляди, а там направо, —
 Это рай?» — «Мой сын — Париж!»
 — «А над ним склонилась?» — «Слава».

В ярком блеске Тюилери,
 Развеваются знамена.
 — «Ты страдал! — Теперь цари!
 Здравствуй, сын Наполеона!»

Барабаны, звуки струн,
 Все в цветах.. Ликуют дети...
 Всё спокойно. Спит Шенбрунн.
 Кто-то плачет в лунном свете.

КАМЕРАТА

«Au moment où je me disposais à monter l'escalier, voilà qu'une femme, envelopée dans un manteau, me saisit vivement la main et l'embrassa».

Prokesh-Osten.

«Mes relations avec le duc de Reichstadt»¹

Его любя сильнее, чем брата,
 — Любя в нем род, и трон, и кровь, —
 О, дочь Элизы, Камерата,
 Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
 Без пенья хора, мирт и лент,
 Рука с рукой вошла с ним рядом
 В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
 Склонившись, как идут к гробам,

---

¹ «В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее». Прокеш-Остен.

Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чащ!
Друг другу вняли — без обета
Мундир как снег и черный плащ.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной — ты,
Он — в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас — дремала кровь...
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

РОЗОВЫЙ ДОМИК

Меж великанов-соседей, как гномик
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?

Чуть потемнеет, в закрытые ставни
Тихо стучит волшебство.

Домик смиренный и давний,
Чем ты смутил и кого?

Там засмеются, мы смеху ответим.
Фея откроет Эдем...
Домик, понятный лишь детям,
Чем ты грешил, перед кем?

Лучшие радости с ним погребли мы,
Феи нырнули во тьму...
Маленький домик любимый,
Чем ты мешал и кому?

«ПРОСТИ» ВОЛШЕБНОМУ ДОМУ

В неосвященной передней я
Молча присела на ларь.
Темный узор на портъере,
С медными ручками двери...
В эти минуты последние
Всё полюбилось, как встарь.

Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый.
Нежно его берегли мы,
Дом с небывалыми веснами,
С дивными зимами дом.

Первые игры и басенки
Быстро сменились другим.
Дом притаился волшебный,
Стали большими царевны.
Но для меня и для Асеньки
Был он всегда дорогим.

Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,

Пренебреженье к науке,
Переплетенные руки,
Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.

Возгласы эти и песенки
Чуть раздавался звонок!
Чье-нибудь близко участие?
Господи, может быть счастье?
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног...

В. Я. БРЮСОВУ

Я забыла, что сердце в вас — только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти — критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

ДОМИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,

Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пядьцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

ROUGE ET BLEUE¹

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли в саду.
— «Знаешь, Алина, мы платьица скинем,
Будем купаться в пруду?»
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
— «Мама сказала — нельзя».

Девушка в красном и девушка в синем
Вечером шли вдоль межи.
— «Хочешь, Алина, всё бросим, всё кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!»
Вздохом сквозь вешний туман

---

¹ Красное и синее (*фр.*).

Грустно ответила девушка в синем:
— «Полно! ведь жизнь — не роман...»

Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
— «Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем, —
Пленницы в счастье своем...»
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:
— «Что же? Ведь женщины мы!»

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убежала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
— Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

ТВЕРСКАЯ

Вот и мир, где сияют витрины,
Вот Тверская, — мы вечно тоскуем о ней.